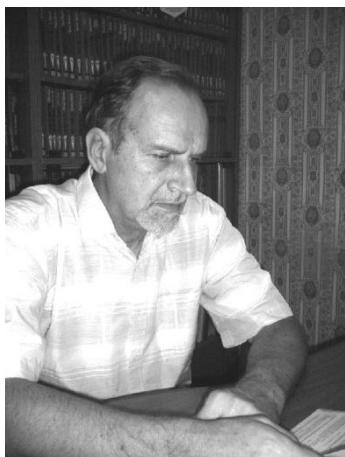

ИСТОРИЯ

К.Е. Балдин

Доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Деятельность земства Костромской губернии по пропаганде среди крестьян передового сельскохозяйственного опыта в начале XX века

Статья посвящена сельскохозяйственной пропаганде, которую вело среди крестьян российское земство. Тема рассматривается на примере Костромской губернии, которая была одновременно промышленным и сельскохозяйственным регионом. Темы курсов были разнообразными: животноводство, пчеловодство, выращивание кормовых трав и др. Лекторами на них выступали земские агрономы и ветеринарные врачи. Слушателями курсов являлись, как правило, крестьяне грамотные и среднего уровня достатка и сознательно стремившиеся улучшить свое хозяйство. Курсы в Костромской губернии продемонстрировали свою эффективность, после них крестьяне стремились изменить алгоритм и приемы своего хозяйства, приобрести более совершенные орудия труда, посеять на своих полях новые для них сельскохозяйственные культуры. Это способствовало повышению жизненного уровня крестьян.

Ключевые слова: земство, русское крестьянство, земские агрономы, сельскохозяйственные чтения, животноводство, пчеловодство, популярная сельскохозяйственная литература.

Крестьянское хозяйство в России в начале XX в. претерпевало заметную трансформацию. Пока абсолютное большинство работало на своих наделах так же, как это делали их далекие предки в Средние века. В то же время в деревню постепенно проникала новая техника и не менее новые технологии из Западной Европы. Появились и научные разработки отечественных ученых в области агрономии. Все эти новшества сначала приходили в помещичьи экономии, но крестьяне, даже увидев их, не знали как их применить, хотя некоторые и желали сделать это.

На помощь сельским жителям пришли земства. Первой их задачей на этом поприще являлась внедрение в крестьянскую среду новых знаний, умений и навыков. Другой не менее важной задачей являлось преодоление хозяйственного консерватизма сельских жителей, их стремления поступать, «как деды завещали». Большинство крестьян еще жило по нормам традиционного общества в хозяй-

ственной, общественной и личной жизни. Конечной целью земства было включение крестьян в процесс модернизации, который в это время переживала Россия и который уже динамично двигался вперед в городской среде. Именно этому способствовала сельскохозяйственная пропаганда, которую развернуло земство в начале прошлого века.

Земства в России обратили внимание на проблемы крестьянского хозяйства еще в конце XIX в. Но реальную материальную помощь сельчанам большинство из них начали оказывать только в первое десятилетие следующего столетия. Со временем земские гласные, работники земских управ и агрономы поняли, что помощь крестьянам не будет эффективной, если сами они не поймут необходимости этой помощи для их хозяйств. В связи с этим земства начали продвигать передовые сельскохозяйственные знания и умения в среду крестьян с помощью чтений и

курсов. Разумеется, главную роль в этом играли земские агрономы-профессионалы.

Земства в России обратили внимание на проблемы крестьянского хозяйства еще в конце XIX в. Но реальную материальную помощь большинство из них, в том числе в Костромской губернии, начало оказывать только в первое десятилетие XX в. Со временем земские гласные и работники земских управ поняли, что помощь крестьянам не будет эффективной, если сами сельчане не поймут важности и необходимости этой помощи для их хозяйств. В связи с этим земства начали продвигать передовые сельскохозяйственные знания и умения в среду крестьян. Разумеется, главную роль в этом играли земские агрономы. Но их было очень мало, всего по одному на уезд. В дальнейшем каждый уезд был разделен на агрономические участки, в каждом из них работал участковый агроном. Однако даже при такой системе, в уезде работало в среднем по 4 – 5 таких профессионалов.

Первоначально некоторые земцы серьезно предполагали, что наряду с агрономами, трансляторами передового сельскохозяйственного опыта в деревне могут стать сельские земские учителя. Они были довольно дисциплинированными и обычно аккуратно выполняли различные поручения, которые им давало земство (заведовать сельскими библиотеками, устраивать пришкольные участки и т.п.). Учителя могли транслировать крестьянам элементарные хозяйственные знания и умения, выработанные наукой. В частности, идею об использовании учителей как пропагандистов сельскохозяйственных знаний и умений продвигали земские собрания Костромского и Кологривского уездов. В первую очередь заманчивой представлялась перспектива получить сотни распространителей сельскохозяйственных знаний в деревне, т.к. земские учителя представляли собой самый многочисленный отряд земской интеллигенции.

Костромская губернская управа в 1908 г. в ответ на ходатайства, полученные из двух уездов, заявила, что сельскохозяйственные знания среди крестьян должны распространять все же специалисты, т. е. агрономы. Губернские деятели сочли массовое привлечение земских учителей в этому важному делу нерациональным, т.к. специальное образова-

ние, полученное ими в учительских семинариях и других педагогических учебных заведениях, не позволяло им досконально разбираться в сложных вопросах агрономии или зоотехники. Дать учителям эти знания, конечно, было можно, но тогда их всех пришлось бы пропустить через специальные и очень серьезные агрономические курсы, что заняло бы немало времени. Причем, наверняка не у всех учителей прослеживался интерес к этим вопросам и склонность к тому, чтобы «копаться в земле». В связи с этим просьбы Костромского и Кологривского уездных земств о финансировании сельскохозяйственных курсов для учителей губернское земство отклонило [7, с. 77, 80 – 81].

В 1909 г. Костромское губернское земство обсуждало новую просьбу Кологривского земства об отпуске средств на устройство в следующем году сельскохозяйственных курсов, на этот раз – непосредственно для крестьян. Их должны были проводить специалисты, т.е. агрономы. Губернское земство без возражений отпустило средства на них. При этом в докладе губернской управы шла речь о том, что есть богатый позитивный опыт проведения этих курсов в Финляндии и в скандинавских странах, и его следует использовать. Учитывая то, что Кологривское земство отпустило 200 р. на устройство агрономических курсов в 1910 г., губернские же гласные решили на принципах софинансирования ассигновать на них еще 300 р. Более того, костромские земцы, действуя на перспективу, дополнительно отпустили на 1910 г. 600 р. тем уездам, в которые земства пока не выступили с такой инициативой, но возможно провяжут ее в самом ближайшем будущем [8, с. 69 – 71]. В дальнейшем вопросы о сельскохозяйственной пропаганде среди крестьян губернское и уездное земства обсуждали регулярно.

Существовали различные виды устного сельскохозяйственного просвещения. Костромские земцы в одном из докладов губернской управы за 1910 г. представили классификацию этих видов, которая, на наш взгляд, заслуживает внимания.

Во-первых, это были *чтения* – эпизодические выступления агрономов или каких-либо других специалистов (например, ветеринаров), которые выступали перед крестьянской аудиторией с лекцией продолжительностью в час, полтора или два. В земском пери-

одическом органе приведено интересное сравнение, сделанное по поводу чтений для крестьян известным ученым профессором А. И. Чупровым. Он сопоставил работу агронома на чтениях с работой врача. И тот, и другой прописывали здесь рецепт, в обоих случаях крестьяне должны принимать эти рецепты на веру [11, 1913, № 1, с. 21].

Во-вторых, еще одной организационной формой сельскохозяйственного просвещения были «систематические чтения» протяженностью 10 – 14 дней. Фактически, это были уже не чтения, а небольшие по объему *курсы*, на которые шли не все крестьяне, а только те, которые понимали архаичность своих сельскохозяйственных знаний и целенаправленно стремились пополнить их, а также овладеть новыми умениями и навыками. Если чтения по своему содержанию были доступны практически для всех грамотных и даже неграмотных крестьян, то курсы предназначались для крестьян более или менее развитых и сознательно стремившихся улучшить свое хозяйство.

В-третьих, как отмечали костромские земцы, есть еще *курсы «ярославского типа»*. Они проводились в соседней Ярославской губернии зимой, когда сезонных работ почти не было и крестьяне могли оторваться от своего хозяйства на довольно продолжительное время. Действительно, продолжительность этих курсов достигала 1,5 – 2 месяцев. Обсуждая вопрос о продвижении сельскохозяйственных знаний в крестьянскую среду, работники губернской земской управы в 1910 г. посчитали, что проведение курсов «ярославского типа» вряд ли возможно, т. к. потребовались бы немалые средства на оплату многочисленных преподавателей и на связанные с курсами организационные хлопоты. Еще одно сомнение, которое возникло у земцев, было сформулировано следующей фразой: «Найдутся ли в губернии лица, пожелавшие прослушать столь подробный курс?» На губернском земском собрании посчитали, что такие курсы в Костромской губернии преждевременны [9, с. 54 – 56].

Однако идея проведения курсов «ярославского типа», судя во всему, серьезно зацепила некоторых земцев. На губернском собрании 1911 г. они возвратились к этой теме и предложили проводить их в феврале-марте, для чего отпустить на них средства, а курсан-

там давать специальные стипендии от земства, отобрав по 3 чел. на курсы от каждого уезда [10, с. 36 – 39]. О том, практиковалась ли такая форма сельскохозяйственной пропаганды в дальнейшем в Костромской губернии, сведений нет.

В своем исследовании мы обратили внимание на такую форму сельскохозяйственной пропаганды как обычные курсы (в вышеприведенной классификации – тип второй) т. к. они давали наиболее глубокие и систематические знания. По своему содержанию они были либо универсальными, либо специализированными, т. е. посвященными луговодству, кормовым травам, животноводству, пчеловодству и т. п. Сначала остановимся подробнее на универсальных курсах.

В Буйском уезде в 1913 г. они были проведены в течение второй половине марта в селе Устиново. Сначала земцы провели переговоры с местными крестьянами и убедились, что некоторые из них реально хотели получить новые знания. Руководил курсами уездный агроном В. Н. Алексеев. Читали лекции и вели практические занятия не только агрономы, но также земский медицинский и ветеринарный персонал. Программа занятий была обширной. Крестьяне были заняты на них не весь день, занятия начинались с 17 часов и шли до 21 часа в будни. В воскресенье занятия продолжались с 13 до 15 часов, кроме того, демонстрировалась работа сельскохозяйственных машин, крестьяне могли воочию увидеть их пользу. Отношение крестьян к лекциям было более чем серьезным. Во время занятий царил образцовый порядок, по окончании их всегда находились вопросы по существу. Из сельскохозяйственных орудий особый интерес слушателей вызвали льномялка и клеверная терка для получения семян этого растения. Сразу после окончания курсов крестьяне выпросили их у земства на прокат [11, 1914, № 2, с. 38 – 39].

В 1913 г. в Ветлужском уезде в селе Хмелевицы на рубеже августа и сентября были проведены универсальные сельскохозяйственные курсы продолжительностью в две недели. В это время стояла хорошая погода, и крестьяне в большинстве своем жали овес, несмотря на это, все же нашлись несколько десятков энтузиастов, пожелавших на время отвлечься от работ и пополнить свои знания. Земцы отмечали, что «интерес к курсам был

громадным». Возможно, сыграло свою немаловажную роль и то, что курсантам выдавали по 25 копеек в день на продовольствие, обеспечивали их бесплатно кипятком для чая, а представителей дальних селений поместили в импровизированное общежитие. Можно только удивляться, как крестьяне выдерживали по 8 – 10 лекций в день. Они особенно оживленно реагировали на примеры из повседневной хозяйственной практики, в таких случаях лекции плавно превращались в беседы [11, 1913, № 11, с. 5 – 6, 11].

Специализированные курсы, посвященные только одной отрасли сельского хозяйства проводились чаще, т.к. для устройства их не требовалось большое количество специалистов по различным отраслям. Трех-четыре специалиста легче было собрать в определенном месте и в определенное время, чем, скажем, семерых или восьмерых. Рассмотрим сначала работу курсов по животноводству, которое в то время среди крестьян Костромской губернии играло не такую важную роль как земледелие. Но оно имело очень значительный потенциал и поэтому земства уделяли ему большое внимание. Курсы, которые прошли в марте 1913 г. в селе Бельшево Варнавинского уезда длились три недели – с 4 по 24 марта и проводились на базе местного крестьянского кооператива – Бельшевского сельскохозяйственного общества [11, 1913, № 9, с. 10].

Расписание дня на курсах выглядело так. Практические работы курсантов начинались уже с 5 часов утра, когда проходило доение коров. Потом им задавали смесь овсяной муки с дурандой (жмыхом масличных растений), сырой изрубленный картофель, поили скот и, наконец, задавали ему сено. С 8 до 12 часов крестьяне-курсисты практиковались в переработке молока в творог и сыр. Курсанты также выучились изготавливать сливочное масло трех сортов, а из снятого молока – сыр бакштейн, качественный творог и казеин. Руководивший занятиями агроном М. П. Тальц сам смастерил приспособление для приготовления сыра и наглядно показывал процесс его созревания. С 1 по 2 часов дня следовала еще одна дойка коров. С 2 до 4 дня следовали беседы по скотоводству и молочному делу. С 4 до 6 часов снова проводились работы на скотном дворе, за которыми следовала третья дойка, а вслед за ней с 8 до 11 вечера курси-

сты слушали лекции, например по анатомии крупного рогатого скота [11, 1913, № 9, с. 13].

На протяжении всех занятий тщательно велся учет надоев молока. Крестьяне убедились, что надои коров, которых стали кормить по-новому, существенно выросли. Они поняли, что кроме соломы, сена и других грубых кормов, коровам нужно давать больше муки, а также картошку, которую местные крестьяне вообще не воспринимали как кормовую культуру. Разумеется, стоимость правильных кормов была больше – на 50 %. Но зато надои возросли при этом значительно больше, чем на 50 % – в среднем с 11 до 17 фунтов в день на одно животное [11, 1913, № 9, с. 17].

Как уже отмечалось выше, животноводство было очень перспективной отраслью крестьянского хозяйства в Костромской губернии. Но, несмотря на наличие заливных лугов, продуктивность скота, в первую очередь – крупного рогатого, была низкой. Зеленой массы на лугах и покосах произрастало не так много.

Поэтому земство Костромской губернии уделяло большое внимание просвещению крестьян в области луговодства и посевов кормовых трав. Особенно это было заметно в годы накануне Первой мировой войны. В конце 1910 г. в Костромскую губернию Департаментом земледелия был направлен старший специалист по луговодству В. В. Зарецкий, который с большой энергией взялся за дело. В течение 1911 г. он устроил шесть чтений по своей специальности, из них 2 – в Костромском уезде и 4 – в Нерехтском. В последнем эти мероприятия проводились, в том числе в селе Яковлевское (ныне – г. Приволжск Ивановской области) и с. Митино.

Курсы для крестьян по кормовым травам проводились в летнее время, когда эти растения можно было наблюдать в поле в их естественном виде, а не изучать по гербариям. Например, в г. Ветлуге курсы прошли с 26 августа по 5 сентября 1911 г. В. В. Зарецкий читал на них лекции о важности кормового вопроса в животноводстве, о состоянии крестьянских лугов, о введении в оборот «бросовых земель» – кочкарников, заболоченных лугов, о применении специальных орудий для улучшения лугов [10, с. 91, 95].

В 1914 г. тот же В. В. Зарецкий организовал курсы «по культуре кормовых расте-

ний» в упоминавшемся уже селе Митино Нерехтского уезда. Оно являлось центральным пунктом для многих сел и деревень не только Митинской, но также Никитской и Рождественской волостей. Они проводились с 16 по 24 марта; с одной стороны, в это время была возможность собрать больше крестьян, которые не были заняты сельскохозяйственными работами, а с другой – не было возможности показать крестьянам те или иные виды растений или приемы работы с ними непосредственно в поле или на лугу. Программа курсов была насыщенной. На них читались такие предметы как «Луговодство», «Полевое травосеяние», «Земство и агрономическая работа», «Кормовые корнеплоды», «Жизнь растений» [11, 1914, № 4, с. 29 – 30].

Лекции проходили по 5 часов в день, что, по нашему мнению, было избыточно для крестьян, которые даже в детстве в школе учились по более щадящему режиму. Для того чтобы облегчить восприятие материала, все занятия сопровождалось показом «туманных картин» (слайдов) через «волшебный фонарь» (диапроектор). Крестьянам давали посмотреть и пощупать образцы семян различных кормовых трав, гербарии с этими травами, образцы различных удобрений. Оживлению занятий способствовало то, что называлось в более позднее время «учебным кино». Через проекционный аппарат «Кок» были показана короткометражные научно-популярные ленты о работе механической сенокосилки, о методике эффективной сушки и уборки сена. Крестьян активно агитировали за переход от традиционного дедовского трехполья к многопольному севообороту. На практическом занятии слушателям раздали бланки, на которых каждый должен был изложить свой проект перехода для начала от трехпольной к четырехпольной системе с посевами кормовых трав, т. е. фактически выполнить творческое задание. К нему крестьяне отнеслись с очень большим интересом. В целом посещаемость занятий была высокой, на каждом бывало от 43 до 67 чел. Не пропустивших ни одного занятия или только одно было много – 41 чел. [11, 1914, № 4, с. 30].

Ранее других, еще на самом рубеже XIX – XX в. было положено начало курсам по пчеловодству. Они проводились на основе специальных «Правил», утвержденных Министерством земледелия и государственных

имуществ для такого рода курсов и под непосредственным руководством губернского пчеловода Г. А. Кузьмина [12, 1903, № 1, с. 4]. Эти учебные мероприятия осуществлялись на основе софинансирования столичным Департаментом земледелия и губернским земством в равных долях. Продолжительность курсов составляла 7 – 8 дней. Обычный учебный день на курсах выглядел так: с 9 или 10 часов утра курсанты слушали лекции по пчеловодству. После обеденного перерыва они занимались с 13 до 18 часов практическими работами на пасеке, а после ужина с 19 до 21 или даже до 22 часов проводились собеседования, т.е. закрепление и повторение полученных знаний [12, 1903, № 4, с. 131; 1912, № 1, с. 7]. Однако некоторые крестьяне не могли в летний сезон покинуть свое хозяйство на неделю и более, поэтому по предложению губернского пчеловода Кузьмина решили устраивать краткосрочные курсы в другом формате – всего на 3 – 4 дня [4, с. 38].

Большинство курсантов, выслушав лекции и проделав практические занятия, уезжали домой. То, чему они научились, оставалось загадкой для их наставников. Меньшинство, по предложению организаторов курсов, проходили собеседования, которые по современным меркам можно назвать дифференцированным зачетом. В 1902 г. из 220 учившихся на разных курсах пожелали пройти такое испытание 76 человек. Собеседование проводил губернский пчеловод Г. А. Кузьмин с другими преподавателями курсов. Критерии оценки около ста лет назад отличались от современных: 18 чел. показали «отличные» и даже «очень отличные» знания и умения, 31 – «хорошие» и «очень хорошие», а 20 чел. – «удовлетворительные» и «весьма удовлетворительные». Кроме соответствующих свидетельств или просто сертификатов участия, лучшим курсантам, «ревностно относившимся к занятиям», выдавались награды. Самой ценной из них стали, наверняка вальцы конструкции Ломакина, необходимые для приготовления вошины и другие награды [12, 1903, № 4, с. 132 – 134]. Курсы способствовали приобщению крестьян к научно-популярной литературе по пчеловодству. Текущие собеседования с крестьянами в ходе курсов проводились по широко известной до революции книге «Вопросник пчеловодства. 906 вопросов» [12, 1903, № 4, с. 131].

В 1898 г. на земской сельскохозяйственной ферме Городище был основан губернский земский пчельник. В земских документах он назывался опытно-показательным или же опытно-учебным. Оба названия отражают его практическое назначение. С одной стороны, в этом хозяйстве проводилась исследовательская работа по пчеловодству, в том числе акклиматизация новых видов этих насекомых, с другой стороны – осуществлялась углубленная подготовка отдельных местных жителей к работе на пасеках.

Пчельник, как и вся городищенская ферма, находился в ведении Костромского губернского земства. Но не только оно финансировало это свое подразделение, т.к. на нем производили мед и воск, которые продавали населению. Также поступали дотации от Министерства земледелия и государственных имуществ. Ежегодно губернное земское собрание заслушивало отчет о работе этого хозяйства [2, с. 3 – 4]. Руководил опытно-учебной пасекой специальный служащий, который назывался не пасечником, а «наблюдателем». В 1903 г. это был М. Ф. Ипатов, перед этим обучавшийся на городищенской ферме. В 1904 г. в качестве «временного наблюдателя» работал опытный пчеловод В. А. Скобелкин, а в 1906 г. наблюдал за пчельником А. М. Гусев, который за два года перед этим окончил курсы на этой же учебной пасеке [2, с. 3; 3, с. 39; 5, с. 6]. Таким образом, текучесть кадров на пчельнике была очень высокой.

Со временем сложился определенный алгоритм обучения пчеловодному делу, и в 1901 г. Костромское губернное земское собрание утвердило особые «Правила» для практикантов. Во введении к ним было сказано, что курсы предусматривали только «практическое обучение» без углубления в теорию, предполагалось готовить на этих курсах «знающих пасечников», никакого особого звания и квалификации им не присваивалось. Продолжительность курсов составляла 6 месяцев, они продолжались с мая до октября, когда в средней полосе пчел уже «убирали на зиму». Принимались на курсы жители Костромской губернии не моложе 17 лет, способные к физическому труду и получившие начальное образование в земской или церковно-приходской школе [12, 1903, № 1, с. 6]. Практиканты содержались «своим коштом»

или же за счет командировавшего их учреждения (это могло быть волостное правление, крестьянский кооператив и т. п.). Но в дальнейшем Костромское губернное земство сумело выхлопотать в Департаменте земледелия ссуду в 150 рублей, которые расходовались на троих курсантов, получавших на личные нужды по 9 р. в месяц [3, с. 40].

Несмотря на то, что курсы имели, как говорилось выше, «практический характер», занятия на них делились на научные и практические. Первые из них состояли в изучении пчел по учебникам И. С. Кулланды и Л. А. Потехина, составлении планов пасечных хозяйств применительно к какой-либо местности. Практические занятия предусматривали работу с пчелами в ульях, выкачивание меда, искусственное размножение семей, постройку ульев, изготовление вошины, разведение медоносных растений и т.п. [12, 1903, № 1, с. 7].

Курсы происходили не каждый год. В 1903 г. подали заявления о зачислении несколько человек, но они не соответствовали вышеупомянутым «Правилам» 1901 г., т.к. были моложе 17 лет и некоторые не имели даже свидетельств об окончании начальных народных училищ. В связи с этим губернное земство задумалось о том, не опустить ли возрастную планку до 15 лет, а в виде исключения – до 14 лет, и кроме того – требовать от поступающих не свидетельства об обучении в начальной школе, а просто умения читать и писать [2, с. 4].

Однако, уже в следующем, 1904 году, никаких проблем с набором курсантов не было. В течение полугода здесь обучались 3 практиканта: крестьянин Костромского уезда 20 лет, крестьянин из близлежащей Шунгенской волости 17 лет и даже один человек со специальным образованием, окончивший Уткинскую сельскохозяйственную школу в Костромской губернии [3, с. 40].

В конце курсов для практикантов устраивался серьезный экзамен. В комиссии по приему его участвовали два человека от Костромского общества пчеловодов и губернский земский пчеловод Г. А. Кузьмин. Успешно прошедшим испытание выдавалось временное свидетельство, после этого выпускник должен был еще успешно отработать на собственной пасеке или по вольному найму на каком-либо пчельнике. Только по-

сле этой своеобразной «пчелиной ординатуры» его временное свидетельство обменивали на аттестат об обучении. Губернская земская управа помогала этим выпускникам найти достойную работу по специальности [12, 1903, № 1, с. 7].

Качество знаний и умений, которые транслировались крестьянам на любых чтениях и курсах, в первую очередь, зависели от квалификации лекторского состава. В основном, крестьянам преподавали азы сельскохозяйственной науки земские агрономы, причем перед ними выступали как участковые специалисты, так и уездные, не сторонился это работы и губернский земский агроном.

Со стороны самих специалистов обычно проблем не было, т.к. просвещение крестьян входило в круг их служебных обязанностей и, кроме того, агрономы, ветеринары и др. сами с энтузиазмом участвовали в курсах и чтениях. Препятствия иногда встречались со стороны властей. Дело было в том, что среди земских специалистов было немало людей с левыми взглядами, близких не только к либерально-добропорядочным кадетам, традиционно влиятельным в земской среде, но и к радикальным социал-демократам, и к еще более радикальным неонародникам. Например, из-за таких неувязок скомканным оказалось начало курсов в селе Хмелевицы Ветлужского уезда в августе-сентябре 1913 г. Власти не утвердили одного из преподавателей - А. А. Зубрилина, который своими лекциями открывал курсы. Пришлось начать их с лекций по пчеловодству, которые не планировались в начале их, а также с показа сельскохозяйственных машин. К счастью, в результате переписки с начальством, удалось убедить его в благонадежности Зубрилина. Он был допущен к участию в курсах, и свои лекции все же прочел [11, 1913, № 11, с. 6].

В области пчеловодства на протяжении многих лет в начале XX в. курсы устраивал и проводил Г. А. Кузьмин – уникальный специалист и большой энтузиаст своего дела, хорошо известный не только в Костромской губернии, но и за пределами ее. Помогали ему инструктора пчеловодства С. Я. Воронцов и И. О. Галика, первый из них также являлся хранителем губернского музея пчеловодства [12, 1903, № 4, с. 131; 4, с. 36 – 37; 5, с. 34].

Обычно специалисты, приезжавшие на курсы, получали 1 рубль суточных, также для передвижения от губернского или уездного центра к какому-либо селу – месту проведения курсов, агроному или ветеринарному врачу давали земскую повозку, запряженную лошадей. Исключение было сделано для главного специалиста по пчеловодству Г. А. Кузьмина, который делал очень много для проведения курсов. Ему решили платить не рубль, а два рубля суточных и давать сразу трех лошадей, т.к. он всегда вез на курсы огромное количество наглядных пособий – фактически передвижной музей пчеловодства [6, с. 179].

Когда земцы только начинали просветительную работу с крестьянами, у них были сомнения: пойдут ли крестьяне на курсы. Правда, чтения отнимали у них только один вечер, но на курсах нужно было пробыть в среднем 10 дней, порой – две и даже три недели. Опасения не оправдались, количество записавшихся на те или иные курсы крестьян достигало нескольких десятков, они приходили из соседних и даже весьма отдаленных селений. По этому поводу губернский земский периодический орган отмечал, что в каждой местности обязательно найдутся развитые крестьяне, которые «сознательно относятся к сельскохозяйственной жизни» [11, 1913, № 1, с. 22].

Относительно территориального охвата крестьян этим видом сельскохозяйственной пропаганды показательные данные имеются по курсам в с. Хмелевицы Ветлужского уезда. На них занимались 133 чел. из самой Хмелевицкой области и всего 6 чел. из соседней Тоншаевской волости, из четырех других волостей желающих явилось еще меньше. Организаторы курсов убедились в том, что из дальних мест крестьяне на курсы не записываются, и нужно увеличить число населенных пунктов для проведения курсов до 100, а может быть, и до 200 на всю губернию. Разумеется, сразу это было сделать невозможно, т.к. квалифицированных лекторов было мало, и все они были нарасхват. Также земцы пришли к заключению, что далеко не все крестьяне могли оторваться от хозяйства на 8 – 10 дней, поэтому надо устраивать краткосрочные курсы по 3 – 4 дня, что тоже нельзя было сделать сразу [11, 1913, № 11, с. 7; 4, с. 38].

По профессиональному составу слушателей курсов имеются очень разноречивые сведения. Составлявшие такого рода статистику земские работники указывали то их сословную принадлежность, то служебные должности (место работы или учебы), то профессию. Крестьяне-земледельцы составляли большинство участников этих мероприятий. На специализированных курсах пчеловодства, которые проводились по всей губернии в 1904 г., побывали 158 человек, из них 109 – крестьяне, 15 – учителя, 12 – семинаристы и учащиеся, 7 – фельдшеры и акушерки, 3 – землевладельцы (помещики) и управляющие имениями, 4 – псаломщики, 2 – волостные писари. В 1905 г. на пчеловодческих курсах побывали 224 человек, но состав участников был несколько иным. Преобладали, как обычно крестьяне – 136 чел., духовенство же представляли 30 человек, в том числе 5 священников, 3 диакона, 4 псаломщика и 12 (!) монахинь [3, с. 5; 4, с. 37]. До революции пчеловодство в среде духовенства считалось богоугодным занятием, и церковное начальство не возражало и даже поощряло развитие его среди сельских клириков.

Относительно уровня грамотности участников курсов земцы сообщали, что в Буйском уезде «громадное большинство» их умели читать, писать и считать. Среди шести с лишним десятков участников курсов 1913 г. в Митине Нерехтского уезда только двое были неграмотны. На курсах того же года в Хмелевицах Ветлужского уезда неграмотных было побольше – 23 чел. из 79 чел. Здесь в анкеты, проводившиеся среди курсантов, был включен вопрос о типе оконченных учебных заведений. Как и ожидалось, начальные народные училища (3 или 4 года обучения) закончили большинство ответивших – 35 чел, а курс министерских школ (5 лет обучения) завершили только 4 чел. Большинство неграмотных были людьми старшего возраста [11, 1913, № 11, с. 8; 1914, № 2, с. 38; 1914, № 4, с. 31].

Кроме записавшихся на курсы, их время от времени посещали вольнослушатели. В Хмелевицах в 1913 г. организаторы курсов отмечали, что «незарегистрировавшиеся» посещали занятия в основном вечером, когда дневные работы (это был конец августа – начало сентября) заканчивались. Они приходили, несмотря на усталость. Особенно мно-

го было таких эпизодических посетителей на различных курсах по пчеловодству. В 1903 г. в селе Тоншаево Ветлужского уезда за время курсов, несмотря на страдное время – май месяц, на них перебывало около 500 «посторонних» [12, 1903, № 4, с. 113].

Сельскохозяйственная пропаганда земства среди крестьян началась в первое десятилетие XX в. и первоначально не вызвала заметного отклика среди них. Они вели свое хозяйство по стереотипам, которые передавались веками из поколения в поколение и местные жители не собирались отказываться от них. Затем, в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, происходят изменения в сознании крестьян, которые, разумеется, нельзя охарактеризовать термином «переломом», скорее это была эволюция, происходившая постепенно. Эти сдвиги можно наглядно проследить на примере курсов, которые происходили в селе Бельшево в отдаленном от губернского центра Варнавинском уезде. Агроном А. Богонос, составивший отчет об этих курсах, в отличие от своих коллег не ограничился сухим статистическим материалом, а внимательно присмотрелся к реакции крестьян на новшества и к тому, как менялось их отношение к тому, что они получали на курсах по скотоводству и молочному хозяйству, проводившихся с 4 по 24 марта 1913 г.

Накануне их, по данным А. Богоноса, большинство местных крестьян не ожидали от курсов ничего особенного, некоторые называли их пустой затеей: «Нам бы корма, – говорили они о своих занятиях скотоводством, – а накормить мы сумеем лучше агрономов». Особенно скептически были настроены женщины-крестьянки, которые воспринимали почти как дерзость то, что какие-то «господа» учить их будут чему-то. Мужики тоже говорили про своих жен: «Они век ходят за скотом, их ли учить?» Некоторые крестьяне предполагали, что знания, которые они получают на курсах, могут быть полезны для них, но считали, что из-за этой информации не стоит отрываться от своего хозяйства на целых три недели [11, 1913, № 9, с. 10, 16].

Но вот курсы начались... Добровольцы сдали семь своих коров в распоряжении устроителей курсов, и они были поставлены на привязное содержание на двух крестьянских дворах, хозяева согласились отдать их

как площадки для эксперимента. Один старик-курсант привел на эксперимент свою корову. Его жена, не поставленная об этом в известность, узнала, что корова находится на привязи, подняла панику; она заявила, что корова может удавиться и потребовала вернуть ее. Старик отказался, тогда старуха пригрозила подать заявление на него земскому начальнику и сказала, чтобы он больше домой не приходил. Несмотря на скандал, пожилой крестьян продолжил участие в эксперименте, регулярно посещая лекции и практические занятия со скотом.

Несмотря на то, что трудовой день крестьянина начинается очень рано, в первое время организаторы курсов были вынуждены будить крестьян для того, чтобы они вовремя подошли около 5 часов утра и покормили скотину. Это произвело положительное впечатление на крестьян: «Господа, а раньше нашего брата встают, раз того требует работа». Также благоприятно подействовало на крестьян то, что агрономы участвовали наряду с крестьянами во всех работах, которые крестьяне называли «черными», например – в уборке навоза за скотом [11, 1913, № 9, с. 10, 14].

Буквально с каждым днем возрастал интерес крестьян к новым знаниям и умениям, а также сознание того, что на курсы они пришли совсем не зря. Об этом можно судить еще об одном высказывании «старика-курсанта» (впрочем, тогда стариками считались люди уже старше 50 лет): «Я неграмотный и очень жалею об этом. На курсы я пришел поглядеть, что, мол, делается. И так взяло меня любопытство, что и домой не ушел, чтобы не пропустить чего полезного. И сын принес мне постель. И вот я целых пять дней не был дома, и волосы у меня не чесаны. Буду слушать курсы и дальше. Мое мнение такое, что всякому крестьянину не то, что обегать курсы, а на карачках к ним ползти надо бы».

За три недели крестьяне-слушатели совершенно изменили свое отношение к агрономам, проводившим курсы. Были установлены, по выражению А. Богоноса «простые дружеские» отношения между ними. По окончании занятий крестьяне поднесли в подарок самым понравившимся им лекторам Тальцу и Макаренко серебряные часы.

По окончании курсов крестьяне поняли, насколько они были неправы в своем отно-

шении к курсам перед их началом и насколько архаичны были их приемы хозяйствования. Один из крестьян объяснял это так: «Мы потому отклонялись от курсов, что полагали, что на них будут одни разговоры... Стоит поучиться помощи при родах, при лечении разных болезней. Сколько скота у нас гибнет от незнания. Сколько корма у нас уходит зря» [11, 1913, № 9, с. 14 – 16].

Курсы в Бельшеве не были исключением в плане изменения отношения крестьян к новым знаниям и умениям, которые несли им земские агрономы. После окончания курсов по льноводству, на которых крестьянам показывали новые способы росения, мочки льна, то как эффективно мять лет, они с насмешкой отзывались уже не о «господах», которые пришли учить их, а о своих прежних заблуждениях [11, 1913, № 11, с. 11, 13].

Характерен также отзыв о курсах из уст одного из участников – рядового крестьянина: «Как проповедники христианства заслужили глубокую благодарность и уважение к их именам от потомства, также и вы, проповедники новой сельскохозяйственной культуры, останетесь нам на жизнь в памяти как люди высокоуважаемые и потомство наше будет очень благодарно вам». Отчет агронома М. Г. Ширмана о курсах в Нерехтском уезде сохранил имя, возраст и место проживания крестьянина, сказавшего эту фразу, которую наши современники могли бы назвать излишне пафосной, если бы она не была сказана, как мы убеждены, от всей души. Это крестьянин деревни Киселево Митинской волости Нерехтского уезда Сергей Иванович Данилов 43 лет [11, 1914, № 4, с. 31].

Кроме устной пропаганды сельскохозяйственных знаний земство использовало и печатную пропаганду, распространяя среди крестьян популярную литературу, в которой научные истины излагались языком, понятным для рядового крестьянина. Такая литература распространялась среди крестьян разными путями. Они могли взять почитать календари, справочники или брошюры на некоторое время в специально созданных небольших библиотечках, которые были у каждого участкового агронома. Территория каждого уезда в начале XX в. делилась на земские агрономические участки (эта система была позаимствована в земской медицине). Здесь располагалась квартира участкового агроно-

ма, при которой находился пункт демонстрации и проката сельскохозяйственных машин и орудий, здесь можно было по очень дешевой цене очистить собранное зерно. Также в центре агроучастка имелся ветеринарный пункт и упомянутая выше небольшая библиотечка [1, 1914, № 2, с. 11].

Буйское уездное земство поставило перед собой задачу целенаправленно приучать крестьян к сельскохозяйственной литературе. Логичным выглядело то, что оно начало эту кампанию со знакомства крестьян с таким универсальным и популярным в народе изданием как «Сельский и деревенский календарь». Его издателем и составителем являлся известный просветитель и педагог начала XX в. Иван Иванович Горбунов-Посадов, который издавал книги и журналы не только для крестьян, но и для детей. Он входил в ближний круг сотрудников Л. Н. Толстого. «Сельский и деревенский календарь» он издавал ежегодно в течение двух с лишним десятилетий. В нем кроме статей об обработке земли, огородничестве, применении удобрений и о многом другом содержалась и другая интересная просветительная информация, которая могла заинтересовать крестьян, а также реклама сельскохозяйственных товаров [13]. Буйское уездное земство выписало эту книгу в количестве 200 экземпляров. Она продавалась крестьянам во время чтений, ее можно было купить в агрономическом отделе уездной земской управы. На обложке календаря была указана цена – 20 копеек, но буйские земцы продавали его со значительной скидкой – по 10 копеек. В 1913 г. они только за полтора месяца продали 110 календарей, но большая часть их все же была роздана крестьянам во время чтений и курсов [11, 1914, № 2, с. 38].

Особое впечатление на слушателей производило то обстоятельство, что авторами книг являлись люди, которые вели с ними занятия. В Нерехтском уезде на курсах по кормовым травам, проводившимся В. В. Зарецким, раздавались его брошюры «Разведение кормовых корнеплодов», «Как улучшать луга», «Возделывание главнейших кормовых трав на семена» и др. [11, 1914, № 4, с. 32].

Вообще, печатное слово производило на крестьян иногда даже большее впечатление, чем устное. Существовала некая магия печатного слова, которая особенно действовала на

некоторых крестьян, они считали, что раз что-то «написано в книжке», то это является истиной в конечной инстанции. Жаль только, что не все слушатели чтений и участники курсов были грамотными настолько, чтобы прочесть хотя бы максимально популяризированный текст.

Выше мы уже обращали внимание на то, что земства максимально использовали в печатной пропаганде принцип наглядности. В ход шли не только таблицы, схемы, рисунки, но и современные технические средства обучения, в том числе демонстрация «туманных картин» и кинолент по соответствующей тематике. Одним из важных инструментов пропаганды передовых сельскохозяйственных знаний при максимальном использовании принципа наглядности являлся губернский специализированный музей, организатором которого являлся Г. А. Кузьмин. Он имел отраслевой характер и был посвящен пчеловодству. Первоначально музей имел передвижной характер, его экспонаты хранились в Костроме, в особом флигеле при Костромской губернской земской управе, но не лежали долго на одном месте [2, с. 42]. Каждый раз, когда в том или ином уезде Г. А. Кузьмин и его помощники проводили курсы по пчеловодству для крестьян, наглядные пособия погружались на земские подводы и отправлялись к месту проведения курсов, порой – на весьма дальние расстояния, т.к. самые восточные уезды отстояли от Костромы не на одну сотню верст. Сначала для перевозки этих наглядных пособий Г. А. Кузьмину отпускали два экипажа, но со временем их стало так много, что с 1909 г. особым решением губернского земства было решено давать три [6, с. 179].

Учитывая специфичность музея как передвижного просветительного учреждения, сложно было разделить в нем экспозицию и фонды. Известно, что в его структуре насчитывалось по данным за 1902 г. около 400 предметов, а также библиотека в 600 томов. Правда абсолютное большинство этих томов представляли собой научно-популярные брошюры. На курсах каждому из их участников выдавалась на время в пользование небольшая библиотечка, по содержанию совпадавшая с программой курсов [12, 1903, № 4, с. 131].

В 1903 г. музей значительно расширился, т.к. большинство костромских пчеловодов, участвовавших в масштабной выставке Северного края в Ярославле, пожертвовали свои экспонаты музею. Кроме того, в том же году на дотацию в 200 р. от Министерства земледелия и государственных имуществ были приобретены некоторые заграничные коллекции, в числе предметов музея оказалось много дубликатов. Так появилась возможность создать фактически два музея – стационарный в Костроме и передвижной, регулярно путешествовавший с одних курсов на другие. В 1903 г. губернская земская управа постановила открыть стационарный музей в Костроме, и утвердила «Положение» о нем (т. е. фактически его устав). Единовременно на оборудование музея губернские гласные отпустили 440 р. – на мебель, стенды и т.п. Ежегодный бюджет музея состоял из следующих расходных статей: пополнение и ремонт коллекций – 75 р., пополнение библиотеки – 30 р., выписка периодических изданий – 25 р. и т.п., на жалование хранителя музея отпускали 420 р., а всего – 620 р. Сначала хранителем музея, который в источниках также назывался инструктором, являлся А. А. Ремезов, а потом учитель Н. Д. Орлов [2, с. 45; 12, 1903, № 4, с. 131]. При этом отметим, что музей пчеловодства Костромского губернского земства не являлся музеем в современном смысле этого слова. У него не было четкого разделения на экспозицию и фонды, на его стендах присутствовали цифры, факты, фотографии и рисунки, но мало было настоящих музейных предметов. Фактически это была профессионально составленная выставка, а не музей.

Земство начало оказывать реальную агрономическую помощь крестьянам на рубеже XIX - XX вв. Крестьяне первоначально являлись лишь пассивными получателями этой помощи, которая имела материальную, но не денежную форму. Со временем земские деятели поняли, что крестьяне должны четко представлять себе, для чего предназначена эта помощь и как они могут сами помочь себе. Именно поэтому параллельно с материальной помощью стала проводиться сельскохозяйственная пропаганда.

Сельскохозяйственная пропаганда строилась земцами на определенных принципах, которые они выработали опытным путем в

ходе проведения довольно многочисленных курсов. Во-первых, это был принцип доступности подаваемого материала. Новинки сельского хозяйства излагались в устном и письменном виде при максимальной популяризации их сути полезности. Во-вторых, использовался принцип наглядности, максимально использовались рисунки, схемы, планы, слайды, учебные кинокартины. В-третьих, использовался принцип поэтапного изложения материала, восходившего от простого к сложному.

Главную роль в деятельности земства на рассматриваемом поприще играла устная пропаганда. Но она довольно удачно сочеталась с пропагандой печатной. Земства предлагали крестьянам «правильные» книги, доступные их пониманию. Прежде чем земская управа приобретала для раздачи несколько десятков экземпляров той или иной брошюры, ее внимательно просматривали местные агрономы и решали – годна эта книжка для крестьян или нет.

Одним из главных результатов устной пропаганды, т. е. проведения курсов стало то, что крестьяне убеждались в низкой эффективности своего хозяйства, несмотря на большое количество труда, вкладываемого в него. Сталкиваясь с этой истиной, крестьяне наверняка испытывали удивление. До этого они были убеждены в том, что раз они труженики села «по профессии» и занимаются этим далеко не в первом поколении, то должны знать о земледелии и скотоводстве все или почти все. По результатам чтений оказывалось, что урожай при использовании новых технологий может быть значительно богаче, породистая коза может надоить молока больше, чем обычная крестьянская корова и т. п.

В заключении отметим в выводах, что активизация агрономической деятельности сельскохозяйственной пропаганды земства сочетались по времени с проведением столыпинской аграрной реформы. Самостоятельный крестьянин, не ограниченный диктатом общины, мог свободно провести в жизнь то, что он увидел и услышал полезного от земских агрономов, он уже не был ограничен мирским диктатом в своей хозяйственной активности.

Библиографический список:

1. Вестник Кинешемского земства.
2. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1903 года. По части пчеловодства. Кострома, 1904. 86 с.
3. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1904 года. По пчеловодной части. Кострома, 1904. 66 с.
4. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1905 года. По пчеловодной части. Кострома, 1905. 74 с.
5. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1906 года. По пчеловодной части. М., 1906. 68 с.
6. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. По агрономическому, кустарному и пчеловодному отделам. Кострома, 1909. 182 с.
7. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1908 года. Кострома, 1909. 170 с.
8. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. Кострома, 1910. 196 с.
9. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. Кострома, 1911. 254 с.
10. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1912. 396 с.
11. Известия Костромского губернского земства.
12. Обзор пчеловодства.
13. Сельский и деревенский календарь И. Горбунова-Посадова. М., 1914. 144с.

©Балдин К.Е., 2020